

ЧАЙНЫЙ ЛИС

ЯНТАРЬ
И
ЛАЗУРИТ

**LIKE
BOOK**

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-15

Иллюстрация на переплете *Neidr*

Иллюстрации во внутреннем оформлении *пан вишенка, Neidr*

Художественное оформление *Р. Фахрутдинова*

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:
© Random Illustrator / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Чайный, Лис.

Ч-15 Янтарь и Лазурит / Чайный Лис. — Москва : Эксмо, 2026. — 544 с.

ISBN 978-5-04-229124-1

Тигуса, земля лис и драконов, пала. Мир захлестнула нечисть, веками прятая среди людей.

Лиса Кохаку уцелела и долгие годы скрывается под чужим именем, уверенная, что никто больше не выжил. Однако судьба сталкивает ее с монахом-драконом, которого она узнаёт сразу... Но он не помнит даже ее имени.

Чем обернется эта встреча? Сумеют ли два одиноких странника, спасшиеся из уничтоженной страны, обрести новый дом, восстановить утраченные воспоминания и вновь найти любовь?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-229124-1

© Чайный Лис, текст, 2026
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

ЛАЗУРИТ ПРИБЫВАЕТ В СТРАНУ БЕССМЕРТНОГО НЕФРИТА

Тигуса пала.

Огонь, как разъяренный зверь, охватил деревья, кусты, небольшие домики, не оставляя пустого места. Смерть пришла на землю божеств. Разрушительные багровые вихри взметнулись к небесам, словно рвущиеся к солнцу защитники острова, в то время как драконы исчезли.

Языки пламени поглотили храм верховной лисы, некогда возвышавшийся над Тигусой и державшийся до последнего. Но теперь он пылал, как погребальный костер. Резные колонны рушились с грохотом, причиняющим боль каждому последователю верховной лисы, крыши плавались, стекая на грязную землю золотыми слезами. Стены храма давно пошли трещинами и прогорели, но не сдавались, будто дух самого острова отчаянно цеплялся за дом бывших божеств. Однако силы верховной лисы не хватило, чтобы сохранить единственное убежище. Горела не просто древесина — пахло лекарственными травами, чернилами, бумагой, кровью. Беспощадный огонь пожирал священные ар-

тефакты, древние свитки — все, что обитатели острова защищали от чужих глаз, — и не останавливался на этом, испепеляя шерсть несчастных, совсем ослабших лисов, которые отбивали удары клинков и копий, а после переметнулся и на людей.

Треск обваливающихся стен сливался с предсмертными криками, лязгом стали, ревом пламени — весь остров стонал в агонии. Тяжелый дым вгрызался в легкие, обжигал глаза, превращал мир в настоящий кошмар. Он заволок небо и опустился на землю, луны больше не было видно.

Но и некому было смотреть.

Не стало страны Тысячи Трав. Населявшие ее лисы бились с армией королевства Сонгусыль, их лезвия, когти и клыки вонзались в плоть врагов, хвосты мелькали в мареве, словно угасающие искорки жизни, пока и они не исчезли вместе с драконами — те пропали раньше, в самый нужный момент, накануне великого сражения. Лисы скрестили клинки с людьми и перед гибелью от мечей вдруг растворились на глазах. Сомнения грызли их сердца. Почему Сонгусыль, союзник, друг... нет, те, кто воспевал их как божеств, решили напасть? Драконы оставили их одних, а не сразились плечом к плечу — неужели золотой дракон предал верховную лису? И зачем люди ворвались в храм? Что было настолько ценным, ради чего стоило стереть с лица земли целый остров?

Лишь некоторых детей успели переправить дружественные каппы¹ на крошечных яликах²: все крупные

¹ Ка п п а (яп. 河童) — водяной. (Здесь и далее — прим. автора.)

² Я л и к — небольшая лодка.

суда сторели, из взрослых не осталось никого, а если кто и выжил, то больше не вернулся.

Некогда великая земля, гордо носившая имя Тигуса, была уничтожена за ночь. Людьми, которые поклонялись лисам, строили храмы в их честь, а в один миг обнажили мечи против своих божеств и сожгли священную территорию.

Нога человека в темных одеяниях ступила на землю, куда опустилось мрачное покрывало из пепла. Плащ собирал грязь, золу, кровь, но его владелец этого не замечал. Совсем недавно от его величественного вида люди падали перед ним на колени, а лисы и драконы относились с почетом. Теперь же его окутывала пугающая аура, словно густой туман, повисший над болотом посреди беззвездной ночи и спрятавший последние проблески света.

Юноша сделал шаг — зловещая аура сгустилась еще сильнее, даже темные пятна виднелись в воздухе. Он нахмурился, ощущая давящую на плечи тяжесть, свел брови и надавил пальцами на виски, после чего качнул головой и приоткрыл глаза.

Пустой взгляд. В выражении лица не осталось ни тени былой боли, окружавший его туман проявлялся четче и не просто следовал по пятам, а исходил от самого человека.

Ступени разрушенного храма, укрытые обгоревшими листьями гинкго, остались позади вместе с человеческими трупами в доспехах и потускневшими драгоценными камнями, юноша продолжал двигаться вперед — медленно и бездумно. В голове не осталось ни одной мысли, он просто переставлял ноги, брел в сторону сожженного леса, от которого остались одни

обугленные пики стволов — такие же мрачные, как и сам человек. До развалин не доносился плеск волн, словно сам океан затих и скорбел по погибшей Тигусе.

В руке юноша сжимал длинный меч, источавший насыщенную зловещую энергию. От лезвия исходили черные искры, доспехи и единичные украшения плавилась, крошились, пока не превратились в пыль. Хотя острие клинка и не касалось земли, из-за слишком мрачной ауры под ним оставалась темная дорожка, словно меч выжигал все за собой и устилал пеплом. Смерть обрушилась на некогда мирные земли. Тот, кто долгие годы находился в заключении в тайных залах храма верховной лисы, наконец-то заполучил свободу.

К горлу подступил ком, юноша сотрясся от сильного кашля и нахмурился, шаг стал тяжелее. Выдержит ли это тело?

Ноги подкосились, человек с гордо поднятой головой не устоял и опустился на одно колено, крепко стискивая рукоять длинного меча и держась за него как за опору, плащ сдуло ветром. Его тело, а быть может, и меч выпустили черную волну, что молниеносно накрыла весь остров с побережьем, а за ней куполом сгустился непроглядный туман, на десятки лет скрывая некогда великую светлую землю Тигусу от теплых солнечных лучей и блестя манящих ярких звезд, а вместе с ними и от всего мира.

— Суйгуй¹ больше вас не побеспокоит, — твердо заявил низкий мужской голос; решительный взгляд голубых глаз только подтверждал его уверенность.

¹ Суйгуй (кит. 随鬼) — дух потревоженного животного, преследующий разбудивших его людей (авторская нечисть).

— Премного благодарим, добрый монах Сюаньму, не задержитесь ли вы еще в нашем небольшом городке? — Женщина потеряла руки друг о друга, стараясь согреть их и в то же время надеясь, что монах останется еще ненадолго. — Соседи жаловались, что всюду шастает нечисть, быть может, вы бы помогли сделать это место добрым и мирным, как в прежние времена? Поживите пока у нас, мы расплатимся чем сможем.

Она свела брови и сурово посмотрела на мужа, отчего тот только молча закивал. Эти небогатые простолюдины не могли отблагодарить деньгами, но были готовы предоставить кров и еду, однако монах лишь вздохнул и сложил руки за спиной.

Женщина говорила правду: нечисть потеряла страх и даже среди бела дня выбиралась из своих укрытий и нападала на людей. Шифу¹ рассказывал, что на его веку эти твари прятались от чужих глаз и почти не подкидывали монахам работы, поэтому он и его соученики посвящали большую часть времени тренировкам и духовным практикам. Молодому же поколению все чаще приходилось отлавливать опасных существ, осмелевших за последние двадцать лет.

— К сожалению, я сегодня же покину Даогу.

Он опустил голову, не в силах смотреть в лицо несчастной женщине. Несколько дней назад ее младший сын играл во дворе, копался в грязи и случайно вырыл могилу давно похороненной собаки. Сначала он принял кости за игрушки, пока мать в ужасе не отобрала их и не выбросила, вот только не знала она, что одну из них, совсем крошечный палец, он продолжал держать в руках.

¹ Ш и ф у (*кит.* 师父) — учитель, отец-наставник.

Дух умершей собаки обратился суйгуем и пожелал вернуть часть своего тела на место.

В первую ночь хозяева дома слышали лишь протяжное завывание за окном, но, когда вышли посмотреть, никого не обнаружили. На следующую — кто-то скребся под дверь, даже едва заметные отметины оставил, а на третью — нечто откусило их сыну мизинец. Ребенок так визжал, что поднял на уши всех соседей.

В тот день через Даогу проезжал монах Сюаньму и услышал эту историю на улицах, после чего разыскал спрятанную мальчиком кость и упокоил дух собаки. Не мог пройти мимо.

Он полагал, что это не займет много времени, к тому же точно не знал, куда направлялось более опасное чудовище, за которым охотился последние несколько месяцев. По слухам, оно успело добраться до Сонгусыя, страны Бессмертного Нефрита, которую здесь, в Цзяожи, произносили как Сяньюй, а где именно притаилось — не знал никто.

Однако женщина смотрела грустно и тоскливо, ее лицо приняло столь несчастное выражение, что монах опустил голову. Он не мог позволить себе задержаться еще дольше, иначе жертв станет больше, и не от какого-то пустякового духа, а от настоящего кровожадного чудовища.

— Моя дочь работает служанкой в доме семьи Ли, — плаксивым голосом заговорила женщина. — Люди на рынке в страхе обсуждают, что кто-то скребется по ночам, но кто — они не знают, не находят. А если моя дочь также останется без пальца или, не дай небо, еще хуже — погибнет?

И теперь она давила на жалость...

Из покрасневших глаз потекли слезы, двумя руками она схватила Сюаньму за локоть и умоляюще потрясла, заставив вздрогнуть от непривычной близости.

— Простой монах не может вломиться в дом знатных людей, — попытался возразить он, но женщина даже закончить не дала:

— Так я вас провожу, слуги говорили, что и хозяева беспокоятся и не покидают покои по ночам.

Сюаньму замялся на месте, не привыкший к общению с окружающими, и в частности с настойчивыми женщинами. Не выходило придумать отговорку.

— Госпожа, уверен: местные монахи прекрасно изгонят любую нечисть, а мне необходимо попасть в Сонбак.

Он с трудом выговорил название города так, как учил шифу. В их диалекте это слово произносилось иначе.

— Столицу Сяньюя? — с удивлением переспросила женщина и выразительно посмотрела на Сюаньму — тот был вынужден вновь опустить голову. Привыкший к уединению, он не мог подобрать слова и объяснить, как ему сейчас необходимо продолжить свой путь. Та кровожадная тварь опаснее всех суйгуев Цзяожи.

Ему на выручку неожиданно пришел муж непреклонной женщины, который большую часть диалога молчал:

— Если память мне не изменяет, завтрашним утром торговый корабль господина Ли отправляется в Сяньюй...

— ...и он определенно согласится взять с собой избавителя от мучившей их нечисти, — решительно перебила его жена.

Сюаньму вздохнул. Однако подобное развитие событий не худший вариант: сам он собирался передвигаться по суше, что пешком могло занять целый месяц. На корабле же были шансы доплыть всего за неделю.

— Ладно, показывайте дорогу.

Просторную резиденцию окружала высокая каменная стена, однако сам дом семьи Ли выглядел просто: без вычурных украшений, часто встречающихся в богатых поместьях. Сюаньму не раз бывал в подобных местах вместе со своим ныне покойным шифу, где помогал изгонять нечисть; знатные люди любили детальные барельефы, узорчатые колонны, необычные резные заборы, окна с разными переплетами и не упускали случая похвастаться своим богатством. Очень часто вдоль тропы к главному входу стояли статуи разных животных. Пусть это место не так выделялось на фоне других, однако и бедным его не назовешь.

Женщина прошла мимо парадных ворот с высеченными из камня фигурами, напоминающими двух львов с пушистой гривой, обошла забор и, как и подобало слугам, приблизилась к другому входу. Вдоль стен бурным потоком тек ручей, на берегу которого сидели молодые девушки и стирали господскую одежду.

— Цянцян! — тут же окликнула женщина и уверенно двинулась вперед, в то время как монах сложил руки за спиной и неторопливо последовал за ней.

Юная дева, так похожая на эту женщину, сидела на высоком камне с завязанными на поясе рукавами, но подняла голову на ее голос и с радостной улыбкой ответила:

— Матушка! — Она отложила одежду в сторону, встала и помчалась им навстречу, однако оступилась

на камнях. Ее нога скользнула по мокрой поверхности, дева пискнула и попыталась удержать равновесие, замахав руками.

Женщина тоже вскрикнула, однако Сюаньму оказался быстрее. Все вокруг только моргнули, а он уже придерживал молодую служанку за пояс и помогал спуститься на сухую землю.

— В-вы же только что были за моей спиной... — ошарашенно произнесла женщина, но в следующий миг бросилась к дочери, совершенно не задумываясь о том, как все произошло. Сюаньму же лучше.

Пока мать обеспокоенно осматривала свою Цянцян, несколько других служанок с интересом подошли поближе и навострили уши, некоторые продолжили стирку, но все равно поглядывали в сторону гостей и прислушивались к их словам. От такого количества людей Сюаньму становилось не по себе, поэтому он постарался сосредоточиться на шуме воды и заглушить лишние голоса. Вскоре с ним остались лишь плеск ручья, дуновение ветра, шелест листвы, отдаленное пение птиц — от звуков природы он почувствовал себя гораздо спокойнее, умиротвореннее. Голоса людей заставляли нервничать, поэтому он на время отгородился от них, но затем вздохнул и расправил плечи.

До его ноздрей донесся неприятный запах, от которого монах нахмурился и задумчиво уставился вдаль. Не успел поразмыслить над ситуацией, как его окликнула женщина:

— Добрый монах Сюаньму, прошу, моя дочь проводит.

Остальные служанки посмеивались и с интересом посматривали в их сторону. Сюаньму пересек ручей,

ловко и неторопливо ступая с камня на камень. Оказавшись на земле, он протянул деве руку и помог ей спуститься — в тот же миг раздалось восторженное оханье остальных служанок, что удивило и смутило монаха.

«Я сделал что-то не так? — спрашивал себя он, неуверенно прикусив нижнюю губу. — Шифу не запрещал притрагиваться к мирянам и даже к женщинам, если им требовалась помощь, почему они так реагируют?»

— Не обращайтесь на них внимания, — смущенно улыбнулась служанка, поклонилась матери на прощание и пошла вперед.

Под оживленное перешептывание они прошли вдоль ручья и оказались у одного из входов в крупное поместье. Цянцян первой зашла в приоткрытую дверь и сообщила остальным присутствовавшим, что привела монаха и он поможет разобраться с опасной нечистью. Сама она быстро пробежала мимо столов с нарезанной рыбой и овощами и вышла в коридор.

Пухлая женщина, месившая тесто, стряхнула муку с рук и оценивающе взглянула на гостя.

— Ой, недавно поселилось у нас здесь чудовище и не дает теперь покоя, — начала она жаловаться, возвращаясь к готовке.

Монахи носили темно-синие ханьфу¹ с широкими рукавами, в которых прятали талисманы для борьбы с нечистью. Обычно их узнавали по одежде, но взгляд пухлой женщины зацепился также за выглядывающие из-под рукава круглые бусины четок. Кроме того, в от-

¹ Ханьфу (кит. 汉服) — традиционная китайская одежда.

личие от большинства населения Цзяожи — страны, в которой вырос Сюаньму, — монахи не завязывали волосы в хвост, а ходили с распущенными.

— Его кто-нибудь видел? Заметили особые признаки? — поинтересовался Сюаньму и попятился, когда женщина с жалостливым личиком решительно приблизилась к нему.

— Никто не видел, только хлюпанье по ночам слышим.

«Хлюпанье? — мысленно повторил монах. — Но мать Цянцян говорила, что нечисть скреблась. Тогда кто-то из водных?»

— Что-то еще? — вслух произнес он, делая еще шаг назад. — Оставляло ли оно следы? Или грязь?

Ему и так было неловко находиться среди людей, а женщина зачем-то еще и подступала все ближе. В этот раз на выручку пришел тонкий голос из коридора:

— Следы с тремя пальцами.

В кухню заглянула богато одетая девушка с аккуратно заплетенной верхней частью волос, придерживаемой цзи¹ с драгоценными камнями, остальные пряди рассыпались по спине. В отличие от невзрачной грубоватой ткани работников на кухне, ее фиолетовый ханьфу выделялся на их фоне, а широкие рукава свидетельствовали о том, что вряд ли она занималась простой работой вроде готовки, стирки, уборки. Такие рукава носили либо знатные люди, либо монахи — последние считали себя важной частью общества, защищавшей простых смертных от нечисти. На лице девы светилась добрая улыбка, а глаза сверкали любопытством — дол-

¹ Цзи (кит. 笄) — шпилька для волос.